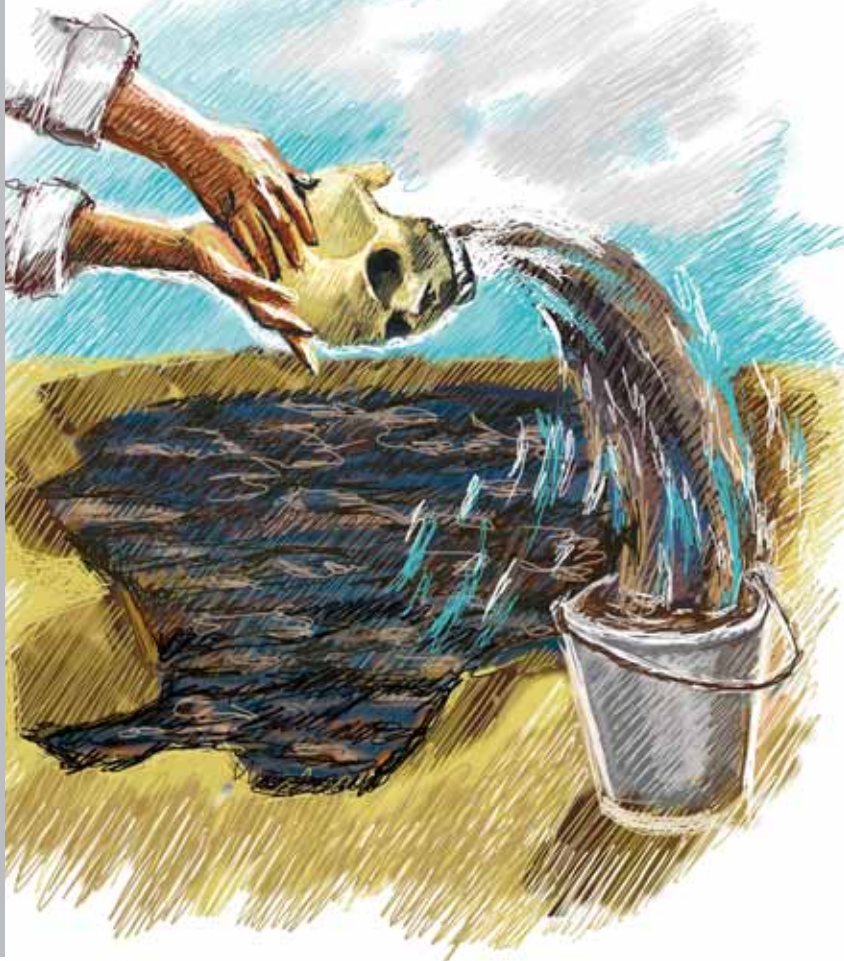

О БЕДНОЙ НЕФТЯНКЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО...

Когда мы рассуждаем на тему инновационного потенциала нефтегаза, нам на самом деле следует поставить более широкий вопрос: а зачем вообще нужна отрасль нашему государству? Удивительно, но несмотря на огромное количество различных программ, стратегий и прочих документов с амбициозными названиями, место для нефтегазового комплекса в будущей структуре экономики так и не найдено. Отсюда и совершенно разные подходы к отрасли, которые зачастую друг другу противоречат.

В такой ситуации совершенно не приходится удивляться тому, что государство никак не может сформулировать внятную и четкую долгосрочную налоговую политику относительно отрасли. Если непонятно, какая роль ей отводится, то ясно, что и четких фискальных решений быть не может — только сиюминутное латание дыр и шарханье из стороны в сторону. Больше того, отрасли практически отказано в инновационном развитии: отжимая миллиарды, государство не считает нужным возвращать даже миллионы. Спасая градообразующий вагонпром и боготворя нанорубль, хороним строительнообразующую отрасль?

Можно выделить четыре доминирующих подхода к нефтегазу.

Нефтегаз — дойная корова?

Первый представляет нефтегаз как дойную корову, источник денег для всего остального, включая и новую инновационную экономику, которая обычно противопоставляется сырьевому комплексу. Этот подход был зафиксирован еще в разработанной в 1999 году программе среднесрочного экономического развития РФ, известной как «программа Грефа».

Она была рассчитана на период до 2010 года и имела в своей основе весьма простую идею: главная задача — развитие обрабатывающей, а не добывающей промышленности, чего можно достичь резким ростом налогов на последнюю и их снижением на первую. Это должно было привести к резкому росту инвестиций в обработку, которая сразу станет привлекательной для капиталовложений. А налоговые преференции для новой экономики оплатят как раз нефтегаз и другие добывающие производства.

Собственно, 2010 год уже наступил, программа благополучно провалена — но сами идеи вполне себе живы. Их сторонники не считают нужным уничтожать нефтегазовую промышленность, однако уверены, что все бюджетные дыры надо закрывать за ее счет, сводя к минимуму ее собственную прибыль и «отжимая» ее по максимуму. Сегодня такую точку зрения высказывает Алексей Кудрин — между прочим, основной кандидат на пост премьера в случае возвращения В.Путина в президентское кресло.

Нефтегаз — сырьевое проклятие?

Второй подход еще более радикален. Согласно ему нефтегаз — это настоящее зло, наше проклятие, гиря на ногах российской экономики, мешающая ее развитию. Его суть проста: большие запасы нефти и газа развращают страну,

парализуют волю народа к созиданию, формируя у него, а также у политической элиты, склонность к иждивенчеству.

Доказательную базу теории «ресурсного проклятья» в свое время пытался сформулировать Егор Гайдар, и его творческое наследие весьма живуче. Давайте почитаем свежий доклад Института современного общественного развития (ИНСОП) «Обретение будущего. Стратегия 2012».

Вот несколько цитат из него: «Немирный атом и нефть продолжают греть русскую печь, с которой с таким трудом слезают муромцы и емели»; «очевидно, что в глобальной посткризисной реальности сложится новая структура сокращающегося спроса на первичные энергоносители из России»...

Таким образом, получается, что нефтегаз не только обрек страну на вечные мучения, став причиной тотальной лени, но еще и ведет страну в тупик, так как скоро спрос на российские нефть и газ сократится и мы окажемся в безвыходном положении. Причем у авторов таких докладов в этом нет совершенно никаких сомнений.

То, что мир сталкивается со все растущим энергетическим дефицитом, что такие страны, как Китай и Индия, осознавая растущую и удушливую нехватку первичных энергоносителей, рыскают по миру в их поисках, не забывая и о России, теоретиков особенно не волнует. Тем более что рецепт уже готов (см. «ИНСОП: рецепт против зла»).

Все это является откровенной ахинеей — никакое повышение энергоэффективности не компенсирует отказ от новых крупных добычных проектов. Это, естественно, не означает, что энергоэффективностью не надо заниматься. Но довольно глупо считать, что ей можно чуть ли заменить отрасль, дающую половину бюджетных доходов.

Напомним, что доклады ИНСОПа — это не просто продукт интеллектуальных упражнений либеральных экспертов. Попечительский совет института возглавляет Д.Медведев. Даже если из президентов он и уйдет, из

ИНСОП: РЕЦЕПТ ПРОТИВ ЗЛА

При реструктуризации портфеля проектов, финансируемых с использованием государственных средств, необходим отказ, в первую очередь, от масштабных энергетических и инфраструктурных природоохранных проектов с высокими экологическими рисками.

Огромные резервы энергосбережения позволяют компаниям не форсировать разработку новых месторождений на Крайнем Севере и шельфах — такие месторождения требуют десятков миллиардов долларов инвестиций и при современных ценах на энергоносители нерентабельны, значительны экологические риски такой добычи в условиях глобального изменения климата (необходимость увеличения инвестиций в инфраструктуру в условиях таяния вечной мерзлоты), существуют риски аварий, что показала катастрофа платформы BP в Мексиканском заливе.

российской власти он никуда не денется.

Или возьмем ректора Академии народного хозяйства и государственной службы Владимира Мау (последовательный сторонник теории «ресурсного проклятья» в ее наиболее жесткой форме). Между тем, он вместе с ректоров ВШЭ Ярославом Кузьминовым возглавляет работу по доработке программы экономического развития страны до 2020 года.

Более того, В.Мау недавно делегирован в совет директоров «Газпрома» — а, как мы понимаем, такие решение без участия В.Путина приниматься просто не могут. Не стоит приписывать подобные кадровые решения только специфическому чувству юмора нашего премьера. Они еще раз доказывают, что никакого среднесрочного понимания роли нефтегаза в экономике у действующей власти нет.

При этом очень важно, что нефтегаз четко противопоставляется некому полумифическому

инновационному развитию страны. Говорится про какую-то «новую экономику», которая должна возникнуть вместо нефтегаза. И власть эти разговоры поддерживает, запуская проекты вроде «Роснано» или «Сколково». При

Нефтегаз — дойная корова, оплачивающая налоговые преференции для новой экономики России?

этом никаких реальных успехов нам не показывают, создавая ощущение, что нанотехнологии — это лишь перевод денег на субмо-

Нефтегаз — это настоящее зло, наше проклятие, гиря на ногах российской экономики, мешающая ее развитию?

лекулярный уровень (см. «Наука из Сколково»).

Но уже сформировался четкая антитеза: «нефтегаз vs иннова-

НАУКА ИЗ СКОЛКОВО

Вот типичный пример: №2 нового журнала «Наука» за 2011 год, выпускаемого издательским домом «Коммерсантъ» в партнерстве с Фондом «Сколково». Посмотрим на его обложку, на которой стоит анонс главной статьи номера: «Доставать мегаватты из-под земли в виде нефти — банально. Лучше выпустить пар и еще извлечь из него золото и платину».

Откроем эту статью — она посвящена геотермальной энергетике. В ней нет ни слова о нефти! Авторы просто походя лягнули нефтяную отрасль, считая это необходимым атрибутом современного разговора о современной энергетике. Якобы нефть — это прошлое. А энергия гейзеров — будущее.

Хотя очевидно, что та же геотермальная энергетика может быть только локальным решением для таких стран, как Исландия, или таких регионов, как Камчатка. Массовое развитие энергии горячих источников невозможно.

ционная экономика». ТЭКу отказано в праве быть инновационной

ИНСОР: необходим отказ от масштабных энергетических и инфраструктурных природоохранных проектов с высокими экологическими рисками

отраслю. Более того, возникает формула: «чем меньше нефтегаза — тем больше инноваций».

Доклады ИНСОРа — это не просто продукт интеллектуальных упражнений либеральных экспертов; его Попечительский совет возглавляет Д.Медведев

Нефтегаз и инновации — вроде как «две вещи несовместные», ну прямо, как гений и злодейство.

Нефтегаз — курица, несущая золотые яйца, резать нельзя, надо иногда кормить, чтобы не сдохла?

Причем вполне понятно, кто тут гений, а кто — злодейство.

Однако давайте вернемся к оставшимся двум подходам к нефтегазу. Они для него существенно более благоприятны. Другое дело, что их слышно гораздо меньше.

Нефтегаз: инновационный магнит!

Третий подход изображает нефтегаз в виде курицы, несущей золотые яйца. Он тоже не слишком наделяет отрасль иннова-

ционными свойствами. Но, по крайней мере, признает, что резать ее все же не стоит и даже, возможно, следует иной раз и подкормить.

Конечно, самой отрасли более приятен четвертый взгляд на нефтегаз — как на инновационный магнит, способный не только сформировать спрос на современные новаторские технологии, но и породить их. Отрасль упорно доказывает, что она неархаична, непозорна, что она способна генерировать прорывные технологические решения. Собственно, отраслевым специалистам тут и доказывать нечего.

В июле мне довелось быть модератором специального заседания «Модернизация нефтегазового комплекса России: от новой стратегии налогообложения отрасли до инновационных технологий и совершенствования нефтеперерабатывающего комплекса», прошедшего в рамках 9-го Нефтегазового конгресса. Выступавшие в его рамках представители отрасли еще раз показали, что нефтегаз действительно обладает значимым инновационным потенциалом.

Директор института проблем нефти и газа Анатолий Дмитриевский давно и последовательно предлагает новые научные разработки, касающиеся как геолого-разведки, так и добычи. Академик считает, что только 35% российских запасов можно отнести к категории относительно легкодоступных, что автоматически формирует запрос на новые технологии извлечения нефти.

Технический директор ОАО «ВНИПИнефть» Владимир Шуверов разъяснил инновационный потенциал нефтепереработки, ко-

торая является ярким примером удивительного отношения государства. С одной стороны, едва ли не каждый день мы слышим заверения о том, что торговать сырой нефтью глупо и нужно срочно развивать переработку. С другой — никаких налоговых стимулов для развития переработки мы не видим, а обсуждаемый новый налоговый режим «60/66» окончательно сделает экспорт сырой нефти более рентабельной стратегией.

Ничего не делает государство и для стимулирования отказа от низкокачественного топлива на внутреннем рынке, но это вовсе не означает, что с технической точки зрения эта задача невыполнима. Видимо, развитие переработки нефти инновацией не считается — действительно, это же не нанотехнологии и не суперкомпьютеры.

Президент Man Oil Group Геннадий Манн представил технологии работы с отходами нефтяной промышленности. Заместитель управляющего директора «Промтехнокома» Игорь Быстриков поделился технологиями переработки и утилизации нефтесодержащих отходов. Эти два выступления весьма значимы с точки зрения постоянных обвинений в том, что нефтяная промышленность наносит слишком большой урон окружающей среде.

А вот гендиректор ФГУП «Морсвязьспутник» Андрей Куропатников наглядно продемонстрировал роль нефтегаза как инновационного магнита для других отраслей: отрасль формирует инновационные задачи для других производств, в данном случае для предприятий связи.

Однако все эти разговоры в основном ведутся во внутриотраслевом пространстве. А в целом битву за имидж отрасль скорее проигрывает. В обществе доминируют архаичные представления о нефтегазе, как о примитивном производстве. Отрасли все время приходится оправдываться, на нее смотрят, как на жирных котлов, которые если чего и заслуживают, то раскулачивания (см. «Дошло и до гротеска»).

Вот вам и коэффициенты повышения нефтеотдачи. При таком

ДОШЛО И ДО ГРОТЕСКА

Гротескное представление о добыче нефти изобразил Виктор Пелевин в своей книге «Священная книга оборотня». Там, напомню, нефть добывали при помощи черепа пестрой коровы, известной нам по сказке о Крошечке-Хаврошечке.

Генерал ФСБ брал череп и ехал в ХМАО, где просил у Земли дать еще нефти, проговаривая хитрые заклинания вроде этого: «Слышишь, пестрая корова! Я знаю, надо совсем потерять стыд, чтобы просить у тебя нефти. Мы не заслужили. Я знаю, что ты про нас думаешь. Мол, сколько ни дашь, все равно Хаврошечке не перепадет ни капли, все сожрут эти кукисы-юкисы, юксы-пуксы и прочая саранча...»

представлении об отрасли надеяться на то, что общество оценит ее инновационный потенциал, весьма наивно.

Так что интеллектуальную дискуссию со сторонниками первых двух подходов к отрасли мы пока проигрываем. Хотя многие аргументы против их доводов довольно очевидны. Возьмем хотя бы ресурсное проклятие.

Если проклятие, то управленческое

На самом деле самый яркий пример страны, по отношению к которой ресурсное проклятие не действует, — это не Норвегия, а США. Соединенные Штаты Америки — типичная сырьевая сверхдержава. Причем могущество американской экономики во многом проистекает как раз из сырьевого комплекса. Добыча нефти в конце XIX века была основной отраслью американской экономики. Напомним, что сегодня, по ряду оценок, США все еще обгоняют Россию по добыче газа, а также занимают третье место в мире по добыче нефти. Начнем с того, что промышленная добыча нефти началась именно в США.

Вот еще один любопытный факт: в нефтегазовой промышленности США занято более 9 млн человек — в России же во всем добывающем комплексе менее 1 млн рабочих мест. Конечно, у США вроде бы нет таких запасов, как у РФ. Хотя если добавить нетрадиционные нефть и газ, то ситуация может серьезно измениться, что и показала так называемая «сланцевая революция».

Но хорошо, США сумели создать диверсифицированную экономику до того, как нефть стала биржевым товаром. Но есть еще Канада и Австралия, сырьевой уклон которых слишком ярок. Но и тут сторонники сырьевого проклятия находят отговорки: дескать, избежать проклятия помогают хорошо работающие политические институты. Но так можно продолжать до бесконечности. Ясно, что «теория» эта откровенно притягивается за уши. Простой вопрос: почему институты в Канаде стали хорошими при ставке на сырьевое? И почему именно НГК ме-

шает в России созданию хороших политических институтов?

Конечно, нельзя сказать, что теория сырьевого проклятия является официальной точкой зрения всего правительства. Но сторонники этого подхода в кабинете министров есть. Кроме того, власть откровенно поощряет дискуссии о необходимости любым путем сокращать долю нефтегаза в структуре российской экономики.

Резко сокращаются инвестиции в геологоразведку. К месту и не к месту идут дискуссии о развитии возобновляемой энергетики. Хотя никто не может объяснить, зачем стране, обладающей крупнейшими запасами углеводородов, нужны альтернативные источники энергии, которые придется субсидировать из бюджета?

Как-то совершенно незаметно правительство сформулировало идею о том, что никакого роста в нефтяной промышленности больше не будет, и это хорошо. Дважды за последнее время — 8 июля на совещании в Кириши и 30 июня в Екатеринбурге на межрегиональной конференции «Единой России» — премьер назвал уровень добычи в 505 млн тонн «оптимальным объемом, планкой», которая способна «и полностью закрыть внутренние потребности, и обеспечить наши обязательства по контрактам на внешний рынок».

По словам главы правительства, это «именно такой уровень добычи, который мы должны стабильно поддерживать, это такая «полка», которая решает все наши проблемы».

Фактически можно говорить о том, что достижение предельного уровня добычи нефти является теперь едва ли не официальной идеологией. Премьер прямо говорит о том, что больше России добывать нет никакой нужды. Естественно, что все это подается как сознательное решение: «можем добывать и больше, но нам этого не надо».

Но гораздо важнее, что исполнительная власть вынуждена признать, что после 2011 года рост добычи нефти в РФ практически невозможен (а от запланированного нами роста добычи газа повсеместно отказываются).

В общем, если отрасль лежит на полке и вот-вот начнет скатываться вниз, то возникает вопрос, а нужно ли стимулировать инновации для ее развития. Мы спо-

Самой отрасли более приятен четвертый взгляд на нефтегаз — инновационный магнит, способный породить спрос на современные новации

рим по налоговые льготы, сетуем, что никак не мотивируется разработка гринфилдов, а в это время на полном серьезе говорится о том, что новые месторождения стране вообще не нужны, да и в

Однако интеллектуальную дискуссию со сторонниками первых двух подходов к отрасли мы пока проигрываем

росте добычи нет никакой необходимости.

И возникает ощущение, что нефтегаз готов с этим смириться.

Власть откровенно поощряет дискуссии о необходимости любым путем сокращать долю нефтегаза в структуре российской экономики

В психологии это называется «комплексом виктимности». Жертва ферзя — красивейший этюд завершения шахматной атаки. Мы-то ради чего готовы жерт-

Отказать отрасли в развитии и стать мировым заемщиком — наша участь в будущем?

вовать сильнейшей фигурой, находясь в глухой обороне?

Зачем России эта жертва? Чтобы поскорее перейти к несырьевой экономике? За счет внешних заимствований, план которых у правительства уже созрел с намерением дожать нефтянку возвратами долгов? Как бы ахинея не стала шизофренией...